

поставляются *ἔσοχορᾶφι* — вне деревни⁴⁴. Таблицы (V, VI) показывают, что указанные обозначения тесно коррелируют с наименованием крестьян ипостатиками. Часто говорится о владениях близ дома, близ держаний родственников. Такие владельцы также именуется обычно ипостатиками⁴⁵. Иногда же указание на место нахождения держания близ дома или недвижимости, принадлежавшей родственнику, по-видимому, освобождала апографевса от необходимости употреблять обозначение «ипостатик» — оно лишь подразумевалось⁴⁶. Подобным образом объясняется отсутствие наименования «ипостатик» в перечне многих, кто держал хорафий, эсотирий или виноградник в стаси.

В этой связи характерно еще и следующее. Давая перечень крестьян в деревне Гомат, практик 1301 г. часто упоминает ипостатиков, а по данной практика 1321 г., в той же деревне ипостатики не значатся. Можно ли считать, что эволюция поземельных отношений привела к исчезновению этой категории? Если ипостатики — это прежде всего держатели части стаси, то такое предположение вряд ли оправданно. Вернее, перед нами просто отсутствие единообразия в обозначениях. Четкость в них вообще не свойственна практикам. Если говорится что держатель имеет части стаси (ипостаси), но ипостатиком не назван (Lavra, II, N 109, p. 267.794), то это наименование или подразумевается, когда речь идет об ипостаси, или владение ипостасью в данном случае в силу своей незначительности не определяло характер землевладельческих прав держателя и его фискальные обязанности.

Все сказанное означает, что слово «ипостатик» используется для обозначения некоторых владельцев части стаси, а именно тех, у кого это держание являлось определяющим в системе их землепользования. С точки зрения налогообложения оно было фактором весьма существенным. Сведения о том, что ипостатик, кроме указанного в практике владения, располагал какой-либо иной недвижимостью на тех или иных условиях, отсутствуют.

Итак, сравнительно частое упоминание об ипостатиках в практиках Лавры, по-видимому, свидетельствует о сложности состава крестьянской недвижимости, подлежащей обложению в том поселении, где находилась основа крестьянского тягла и основа прикрепления крестьянина к нему — дом. Это означает, что все земли, перечисленные в описи, подлежали обложению поземельной податью, составлявшей часть телоса. Базой этого податного единства являлись эсотирии, эсохорафии и виноградники, называемые стасиконом. Это были владения, непосредственно примыкавшие к дому — центру оседлости и налогообложения. Что же касается остальных владений, особенно тех, которые располагались за системой полей данной деревни или в других деревнях, то таковые только иногда включались в податной стих. В этом случае они иногда назывались атели⁴⁷. Это выражение наглядно свидетельствует об употреблении в описях обычных выражений вместо специфичных, имеющих твердое значение фискальных терминов, таких, как телос, парик, стих, стась и т. д. Иногда эти держания, как уже говорилось, облагались в той деревне, где они находились, и тогда (но, по-видимому, далеко не всегда) податные чиновники называли их ипотелями. Используется опять же не четкий, утвердившийся во времени фискальный термин, а всего лишь обыденное выражение. Говорится, что владение уже подлежит обложению, т. е. подать взимается с него в другом месте, но не в той деревне, опись которой составляется и где крестьянин проживает.

⁴⁴ Lavra, II, N 73.

⁴⁵ Ibid., N 109, p. 268.807—808.

⁴⁶ Ibid., 268. 810.

⁴⁷ Т. е. не подлежащие обложению в тех деревнях, где они расположены. См.: Lefort J. Fiscalité médiévale et informatique: Recherches sur les barèmes pour l'imposition des paysans byzantins du XIVe siècle. — Revue historique, 1974, N 512, p. 340.